

- Юрий Иванович, была на последнем концерте, который давал Симфонический оркестр Московской филармонии, и испытала подлинное восхищение исполнительским мастерством, тонким пониманием музыки. И в то же время почувствовала острое сожаление от того, что российская публика может довольно редко видеть вас за пультом. Скажите, почему вы покинули страну?

- Я не собирался уезжать - политические выражения не в моем характере. В Большом театре я в то время уже не работал. Мой новый оркестр ГМСО погиб, как тогда выражались, под колесами перестройки. А после смерти мамы окончательно понял, что никому в Москве не нужен: в конце 80-х я занимался лишь со студентами дирижерского класса консерватории. У меня не было ни одного выступления! Будучи как дирижер в расцвете сил, я просто не имел права ограничить себя преподавательской работой. Позвонил в консерваторию и спросил начальство: что, если подам заявление об уходе? После плохо скрытых радостных ноток в голосе декана: «Конечно!.. Пожалуйста!.. Если захотите вернуться... мы всегда будем рады...» - понял, что и здесь не нужен. Пришлось воспользоваться предложением моего импресарио поработать за рубежом, и вскоре у меня появились контракты с несколькими английскими оркестрами. «Командировка» затянулась на восемь лет. Я получил пост музыкального директора Бельгийского национального оркестра в Брюсселе и многочисленные выступления по всему миру, а также постановку почти всех опер Вагнера в Будапеште. В 1998 году наконец понадобился и на родине. И то - не Министерству культуры, а музыкантам погибающего оркестра. Хорошо хоть так! Некоторые мои коллеги до сих пор не нужны России.

- Кого вы имеете в виду?

- Например, дирижер Дмитрий Китаенко, Александр Лазарев, Владимир Нельсон, Эдуард Серов, Василий Синайский, Максим Шостакович, Марис Янсонс. Им не нашлось места в своей стране, хотя мы - продукт русской, советской дирижерской школы, а это не пустой звук. В середине прошлого века дирижеров не плодили десятками, а выращивали «поштучно». Потому и результаты были серьезные. На моем юбилее мне по поручению Президента России вручили орден Почета. И бывший ректор Московской консерватории, теперешний министр культуры, при полном зале произнес трогательную речь о моих достоинствах, пообещав вернуть в стены вуза. До сих пор жду звонка...

- Вы сейчас назвали музыкантов, которые составляют славу отечественной культуры. Хотя на самом деле таковых намного больше. Чем можно объяснить появление стольких замечательных, талантливых людей в условиях жесткой советской системы?

- В основе политики государства в области искусства лежал тезис «советская культура - лучшая в мире». Независимо от того, пользовался ли артист успехом у публики, он стабильно получал зарплату. И считался перспективным. Принимались меры, стимулирующие рост мастерства всех работающих в сфере академической музыки. Министерство создавало комиссии по контролю качества; проводились всевозможные конкурсы, отборы, смотры... Лауреаты получали путевку в жизнь. Потому что в музыке бездарностям пробиться трудно. Партийные инстанции тоже не дремали, воздействуя на «несознательных»... В результате мы - да, стали снисходительными к музыкантам, но и сохранили один из лучших театров мира - Большой, знаменитые оркестры под управлением Мравинского, Светланова, Кондрашина и еще множество прекрасных коллективов: всех невозможно перечислить! Наши вузы пестовали молодых острахов, коганов, рихтеров... Государство, словно строгая мама, возилось с нами, а когда кто-то не понимал, то и до порки дело доходило. Бывало больно, но, как ни странно, из некоторых «трудных экземпляров» выходили прекрасные специалисты. Теперь мама превратилась в жестокую мачеху, и когда кто-то из детей - деятелей искусства не умеет приспособиться к законам рынка, она просто вышвыривает его на улицу. Понятно, если речь идет о не очень талантливом человеке. Хотя и способный артист, при заботе авторитетных людей, ведущих культурой, неожиданно может замечательно раскрыться! Но иногда по ошибке на «рынке искусств» можно проглядеть, обойти вниманием гения. Наш оркестр,

Юрий СИМОНОВ: НИКТО НАМ СКИДКИ «НА БЕДНОСТЬ» НЕ ДАСТ

Юрий Иванович СИМОНОВ - народный артист СССР, профессор, один из самых интересных русских дирижеров. В 1968 году он, выпускник Ленинградской консерватории по классам альта и симфонического дирижирования, первым из советских дирижеров получил главную премию на международном конкурсе Академии «Санта-Чечилия» в Риме. В 28 лет стал самым молодым главным дирижером в истории Большого театра и занимал этот пост на протяжении шестнадцати лет. Потом - так сложились обстоятельства - уехал в Англию и, не теряя связи с Родиной, гастролировал по всему миру, в том числе участвовал в зарубежных постановках классических опер.

Восемь лет назад музыканты Симфонического оркестра Московской филармонии пригласили Симонова, минуя министерство и саму филармонию, возглавить коллектив. С тех пор оркестр работает и в России, и за рубежом. Недавно Юрию Симонову исполнилось 65 лет. Он не отмечал юбилея. Он, как всегда, стоял перед пультом оркестра, который ему верит, оркестра, который он любит.

например, до сих пор не удостоился внимания государства.

- Почти в каждую свою программу вы включаете произведение малоизвестное, а то и совсем не известное широкой публике. Это случайно или результат особой репертуарной политики?

- Если говорить о приоритетах в репертуаре, то представителей дирижерской профессии можно условно разделить на типы. Самый распространенный - «нормальные» дирижеры, которые всю жизнь играют то, что сами хорошо знают и что пользуется спросом. Это кратчайший путь к сердцу и карману публики. И хотя такая позиция довольно примитивна, в ней, в сущности, нет ничего плохого. Правда, при одном условии: исполнять эти «архипопулярные» пьесы нужно не просто хорошо, а очень хорошо. Это, к сожалению, далеко не всегда удается.

Другой тип - «оригиналы». Им нравятся удивлять, а если повезет, то и шокировать общество новинками. Это дирижеры-просветители. Их единицы. К ним можно отнести Геннадия Николаевича Рождественского, который продирижировал, кажется, все, что когда-либо было написано. Такая позиция артиста полезная уже тем, что музыкальная общественность получает возможность услышать в живом исполнении сочинения композиторов, которых по разным причинам мало исполняют, а то и совсем забыли.

Третий тип - «умеренные». Их отличает способность балансировать между популярным и малоизвестным репертуаром, удовлетворяя потребности организаторов концертов: когда нужно - в новинках, а когда нужно - в кассовом репертуаре. В начале своего пути я не задумывался, к какому типу принадлежу, дирижуя все, что попадалось под руку. В те годы активно функционировал Союз композиторов, который настойчиво пропагандировал советскую музыку. И правильно делал! В этом огромная заслуга ныне здравствующего Тихона Николаевича Хренникова. Благодаря той политике стали известными тысячи сочинений отечественных авторов. Некоторые, выдержав испытание временем, прочно вошли в репертуар оркестров и стали неотъемлемой частью мировой классики. Я имею в виду добрую половину сочинения

Проккофьева, Шостаковича. Понятно, что и мы, молодые дирижеры того времени, не были в стороне от новых тенденций русской музыки...

Теперь, переиграв достаточное количество произведений, я перестал стремиться к дальнейшему расширению репертуара, а сконцентрировался на более глубоком постижении тех произведений, которые меня волнуют. Если выразиться кратко: я стремлюсь максимально хорошо играть то, в чем чувствую себя полезным композитору.

- Какой все-таки основной репертуар сегодня у оркестра?

- За последние три сезона я бы выделил прекрасное исполнение оркестром увертюры Берлиоза и Мендельсона, произведения Листа - «Фауст-симфония», «Мазепа», «Мефистофель», симфонии Шуберта, а также поэмы Р.Штрауса - «Макбет», «Так говорил Заратустра», «Дон Кихот». Меня также радует, насколько артистично коллектив играет аккомпанемент. Особо удачными были концерты Бетховена, Шопена и Листа. Очень хочется, чтобы публика узнала и полюбила и ту музыку, которую, на мой взгляд, исполняют несправедливо редко. В то же время мы вынуждены играть все, что «покупают» зарубежные импресарио. Мы регулярно посещаем Америку, Англию, Германию, Японию. Выступали в Варшаве, Праге, Швейцарии, Австрии, Испании, Венгрии, Румынии, Корее, даже на Тайване... Знаете, немцы меня особенно удивляют. Они не только отклоняют предложения русских оркестров играть «нерусский» репертуар, что еще как-то можно объяснить, но даже не хотят слушать никакие другие симфонии Чайковского кроме 5-й и 6-й. Порой я думаю, что, требуя от нас только наименее популярнейшего Чайковского и не разрешая играть, например, Бетховена, они опасаются, что мы способны сыграть их родную музыку лучше немецких коллективов.

- За рубежом у вас есть постоянный оркестр?

- Я стараюсь избегать работы, которая требует систематического приложения сил - достаточно хлопот с нашим оркестром. Приезжая в Москву, я фактически с утра до ночи занимаюсь воспитанием коллектива. Ведь это не западный ор-

кестр, в котором все процессы давно отлажены. Я работаю с оркестром, музыканты которого вынуждены подрабатывать на стороне, поскольку получают слишком скромные (для солидного коллектива) деньги. А ведь выступать перед публикой они обязаны на столичном уровне - никто им скидки «на бедность» не даст. Поэтому я хорошо понимаю, что они нуждаются в моей регулярной профессиональной помощи. Приходится собственноручно корректировать для них нотный материал и самому проводить большое количество черновых репетиций. Но я об этом не жалею, поскольку у коллектива все рельефнее проступает его неповторимое лицо.

- А как вы находите нынешнюю российскую публику?

- К сожалению, с распадом страны мы почти потеряли публику, способную распознать и оценить по-настоящему высокий артистический уровень. Сегодня для того, чтобы заполнить зал, руководителям музыкальных театров и филармоний приходится приглашать раскрученных солистов либо исполнять популярные произведения, а лучше - и то, и другое, потому что иначе народ не пойдет.

Многие опаздывают к началу концерта. Как бы удачно ни было сыграно первое произведение программы, реакция зала - заторможенная. Чувствуется, что аплодируют из вежливости. Зато после выступления солиста, даже если он играл неудачно, а такое случается, - непременно овации. Спрашиваю: «Почему не оценили блестяще сыгранную первую пьесу?» Отвечают: «Публика еще не разогрелась». Зато во втором отделении аплодируют после каждой части симфонии. А что это означает? Публика уже «перегрелась».

Около девяти вечера часть публики покидает зал. Как бы хорошо ни играл оркестр - встают и, топая ногами, идут к выходу. Говорят: торопятся домой, поскольку живут далеко. Так хочется спросить: а до перестройки где вы жили? Неужто в Кремле?..

- Может быть, это следствие общего падения культуры в стране?

- Складывается впечатление, что наша бедная публика мало слышит хорошей музыки в хорошем исполнении. Видимо, ее не совсем верно ориентируют. Ведь

то, что пишут в некоторых газетах и говорят по ТВ, способно любого сбить с толку. Зато профессиональной и аргументированной критики мало, пишущих часто кидает из стороны в сторону. Если артист ведет себя «неправильно», то есть скупясь на подарки публике, то критика способна смеяться его с землей либо полностью игнорировать. При этом у общественности создается впечатление, что артист умер или на всю оставшуюся жизнь уехал в неизвестном направлении. Такой прием называется «политической замалчиванием», что напоминает расхожую притчу: «нет человека - нет проблемы». Но если действовать «правильно», регулярно «поощряя» прессу, она способна возмечивать до небес. Так и мелькают эпитеты: лучший, великий, единственный, дирижер года, дирижер планеты, дирижер Галактики... Все эти игрушки для наивных людей прибыли к нам с Запада вместе с макдоналдсами и кинбургерами. В середине прошлого века такого не было. Даже при печально знаменитом тоталитарном режиме представителям прессы все же было знакомо чувство стыда, а некоторые наиболее интеллигентные критики даже помнили о том, что истина посередине.

- У нас теперь академическую музыку все больше вытесняет эстрада. Молодежи на симфонических концертах мало.

- Мы тоже чувствуем, что нужно чаще организовывать абонементы специально для молодежи и детей. Дирекция филармонии уже думает об этом.

- У вашего оркестра абонементы не дешевые...

- Цены не я устанавливаю. Но вообще-то нам стыдиться нечего: играем хорошо, да и имя у коллектива звучное! «Московская филармония» - не просто оркестр под управлением такого-то. За его плечами славное прошлое. Им в разное время руководили Самуил Самосуд, Натан Рахлин, Кирилл Кондрашин. Каждый из них - гордость русского музыкального искусства!

- Но, кажется, большинству молодых не интересно ни прошлое, ни настоящее. У нас сейчас нашествие чудовищных «мыльных опер».

- Что это такое?

- Это не опера, как мы ее понимаем. Это сериалы. Разве вы не в курсе?

- Мне бы свою работу сделать лучше - куда уж смотреть за другими!

- Кстати, чем вы занимаетесь в свободное время?

- Моя жизнь перенасыщена делами, связанными с обеспечением возможно более высокого уровня выступлений. Кто-то думает, что дирижер может выходить перед публикой ежедневно. Может. Но не должен! Чтобы выступление оркестра стало событием для слушателей, дирижеру необходимо изрядно попотеть задолго до того, как он встретится с музыкантами на первой репетиции. В любой профессии многое зависит от личного отношения к делу.

- Что вы имеете в виду?

- Никто не может заставить человека работать честно, если он не хочет этого сам. Я много лет работал в Большом театре, где оркестр состоял из музыкантов настолько высокого класса, что, если бы вдруг оказалось нужно, они без труда сыграли бы музыку любого спектакля совсем без дирижера. Однако, несмотря на такие комфортные условия, я считал себя обязанным регулярно «чистить» с оркестром тускнеющие от времени спектакли, чтобы они всегда выглядели для публики как новые. Не обращая внимания на косые взгляды «великих» солистов оперы, постоянно искал возможность включить в состав исполнителей молодых, талантливых певцов. Эта работа, которой я отдал шестнадцать лучших лет жизни, поглощала все мое время. И не жалею об этом: именно в репетиционных залах Большого я стал собой.

- Что вас интересует, кроме музыки?

- Знаете, фактически у меня нет досуга. Литературу читаю исключительно ту, что способна помочь в написании книги о дирижировании. Сейчас, например, читаю о А.В.Михайлове. Это бывший главный хормейстер Марининского (Кировского) театра, профессор моей родной Ленинградской консерватории, создатель и дирижер ее студенческого хора. Я знал этого замечательного музыканта. Говорят, он не был по достоинству оценен при жизни. Когда он умер, его ученики по крупицам собрали о нем материал и выпустили поучительную книгу. Читаю ее - и сердце переполняется гордостью от мысли, что несмотря ни на что не превелись в России люди, кому всерьез дорого русское музыкальное искусство.

Беседу вел
Наталья ЛАГИНА